

18+

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ

Трам-тарарам оркестр

Алексей Караковский

Трам-тарарам оркестр. Повесть

«Издательские решения»

Караковский А. В.

Трам-тарарам оркестр. Повесть / А. В. Караковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937021-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Часто ли вы задумываетесь о том, какой жизнью живут люди, играющие музыку в метро, на улицах в подземных переходах? Московский подросток Олег Балашов однажды задумался — и встретил приключения, которые полностью изменили его жизнь. Но «Трам-тарарам оркестр» — это не просто повесть о музыкантах. Из этой книги вы узнаете о негласных правилах автостопа, какие невидимые существа живут в Санкт-Петербурге, и как выжить с ребёнком отцу-одиночке. Итак, в путь!

ISBN 978-5-44-937021-1

© Караковский А. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Происшествие на Китай-городе	6
2. Творчество или смерть?	10
3. Музыкантская кухня	13
4. Дорожная карта	16
5. Отравление вдохновением	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Трам-тарарам оркестр

Повесть

Алексей Владимирович Караковский

Художник Вика Сушко

Редактор Ирина Курганова

© Алексей Владимирович Караковский, 2020

ISBN 978-5-4493-7021-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Происшествие на Китай-городе

В старой московской квартире на Песчаной улице было много, очень много книг – русская классика, западные романы, восточные премудрости, тяжёлые научные фолианты. Со стены за порядком в доме с лёгкой полуулыбкой наблюдал портрет прапрабабушки Ольги Ивановны Клёновой, в начале двадцатого века закончившей Высшие женские курсы и преподававшей в Париже родной язык родившимся в эмиграции русским детям. Когда в конце девяностых в семье появился на свет мальчик, родители назвали его Олегом в честь расстрелянного в 1937 году прадеда, сельского учителя.

Матери было тридцать пять, отцу сорок два. Родители старели, но не угасали – учителям всегда хватает бодрости духа до самых преклонных лет, если их, конечно, не расстреливают и не выгоняют из страны. В шестнадцать лет Олег Балашов читал книги, гонял в футбол, слушал битлов и «Radiohead», трижды в неделю ходил на курсы английского, проходившие в небольшой каморке на улице Забелина, недалеко от Ивановского монастыря. Но бывают дни, когда за несколько минут в жизни человека меняется всё – и однажды к Олегу пришёл такой день.

Выйдя из метро, он уже собрался было свернуть к Ивановскому монастырю, как вдруг услышал бойкие и громкие звуки музыки. Это были уличные музыканты. Лохматый тщедушный парень с гитарой играл в быстром темпе совершенно незнакомую песню про людей-кротов и их приключения в туннеле метро. Второй парень стучал на небольшом барабанчике – то ли дарбуке, то ли джембе. Девушка, смуглая красивая еврейка, пританцовывая, играла на скрипке что-то очень похожее на блюз. Не дав дозвучать завершающему аккорду, вокалист заорал: «Симинор!» и погнался на такой же бешеной скорости следующую песню с не менее причудливым текстом про дракона в подмосковной электричке, опаздывающего на работу. Было очевидно, что музыканты не только играют, но и слышат песню впервые, однако это как будто никому не мешало. Потрясённый Олег застыл на месте. До курсов оставалось всего десять минут.

– Вы же здесь пробудете ещё какое-то время? – взмолился он, когда песня закончилась.

– Может, будем. Может, нет. Может, вообще в другой город уедем, – туманно ответил вокалист.

– Я через час приду! Не уходите, пожалуйста!

Музыкант уклончиво пожал плечами.

– Да ладно, Гамлет, хорош рисоваться! Такими темпами нам не то что час, часа три ещё играть, чтоб хоть что-то заработать, – вмешался в разговор барабанщик.

Олег побежал на курсы. Впервые за год английский язык не вызывал в нём никакого интереса. Все мысли были о встреченных возле метро музыкантах.

Когда он вернулся, Гамлет и его друзья сидели на асфальте, передавая по кругу бутылку пива, завернутую в пакет.

– Как дела? – спросил Олег.

– День дерьмо. Два часа играли, а в шляпе пара сотен. Считаю, проезд отбили только, – хмуро сказал барабанщик и сплюнул под ноги.

Олег порылся в карманах. Денег было не жалко.

– Держите пятьсот.

Настроение музыкантов сразу улучшилось, и Олегу удалось перевести разговор на интересную ему тему.

– А что это за песни?

– Я написал, – ответил Гамлет.

– А давно вместе играете?

– Часа два. А до этого ещё часа два. Ну и так лет шесть, наверное. Сколько мы уже знакомы, коты?

– А где репетируете?

Гамлет улыбнулся.

– Рахель, скажи.

– Да вот это и была репетиция, – ответила скрипачка, – Лёха пишет песни, как пулемёт, времени на жизнь не останется, если к каждой партитуру писать. А для Мамонта – она кивнула на барабанщика – всё равно вся музыка делится на быструю и медленную, он других классификаций не признаёт.

– Не, ещё латино есть! – не согласился Мамонт.

– Ну да, латино, точно. В смысле, Мамонт его очень любит, но у Гамлета таких песен нет.

– А как у тебя получается так писать?

Мамонт и Рахель улыбнулись, однако Гамлет был настроен серьёзно.

– Понимаешь, мне кажется, все песни, они словно уже когда-то где-то родились. Вылупились из яиц, как маленькие пёстрые птички, каждая со своим голосом, со своим характером. И вот открыли они глаза, а вокруг – клетка. И некому их спеть. Знаешь, я когда песню пишу, я словно клетку открываю. И каждая такая птичка становится моим близким существом, которого я узнаю из тысячи по форме клюва, по пёрышкам, каждое из которых я помню так точно, словно моя песня-птица прямо сейчас у меня в руках.

– А это сложно – находить своих птиц?

– Ничего нет проще. Слушаешь сердцем, находишь нужную клетку, и птица сама тебя узнаёт. Выпустить её на волю под силу каждому. И, знаешь, когда ты написал свою песню и слышишь, как она звучит, вот тогда и понимаешь, что ни мама, ни папа, никакая женщина тебя не полюбит так, как она, твоя музыка. А что ещё нужно для счастья, кроме того, чтобы быть любимым?

Тогда, летом 2016 года, Олегу было шестнадцать, а Гамлету двадцать шесть. С первого взгляда было ясно, что у них нет практически ничего общего ни в характере, ни в образе жизни, но эта десятилетняя разница в возрасте сразу показалась Олегу чем-то вроде предсказания о его будущем. После их первой встречи на Китай-Городе он понял главное: основная его миссия на Земле – это музыка, причём собственного сочинения.

Олег и раньше немного умел играть на гитаре – когда-то отец разучивал с ним «Битлз» и «ДДТ». Теперь каждый вечер Олег запирался у себя в комнате и пытался зажимать новые аккорды. Сложнее всего было переставлять пальцы при их смене, но потом Олег понял, что главное – не терять ритм, даже если палец попадает мимо струны, и дело пошло быстрее. Одновременно он начал придумывать первые примитивные мелодии и тексты. Если не удавалось сочинить своё, он брал какую-нибудь несколько тактов или фразу из музыки шестидесятых и, мучительно переставляя местами ноты, менял оригинал так, что его было невозможно узнать. С текстами почему-то получалось проще, слова сразу становились туда, куда надо. Оставалось неясным лишь только, о чём можно написать песню. За неимением лучшего, первое сочинение Олега повествовало о приходящей в Москву весне и о девушке с задней парты, которая никому в классе не нравится, кроме него. Следующие песни также были навеяны впечатлениями о школьной жизни, прогулками по району и любимыми книгами, но чем дальше, тем больше демонстрировали кризис идей – одного желания писать явно оказалось мало.

Отредактировав до приемлемого состояния несколько сочинений, Олег набрался храбрости и набрал телефон Гамлета.

– Гамлет, привет! Я песни стал писать! Послушаешь?

Судя по всему, Гамлет не ожидал вопроса и ответил как-то невпопад:

– Ты что, мне их электронной почтой прислать хочешь? Так я в Интернете раз в год по обещанию бываю.

– А как лучше?

– Ну, я не знаю, куда меня жизнь забросит, но вот сейчас я бухаю с чуваками на Чистых прудах. Сорок пять минут бухать ещё точно буду.

– Через полчаса приеду!

Олег ещё издали увидел сидящего на скамейке Гамлета и совершенно невменяемо пьяную женщину рядом. Женщину обнимал спящий байкер. Гитара Гамлета лежала на земле рядом.

– Давай, друг! Выскажи, что у тебя на душе! – пафосно заявил музыкант.

Олег сыграл две песни, начал третью, но тут понял, что старается зря. Гамлет неукоснительно соблюдал неписанный закон, согласно которому начатую песню прерывать уже нельзя, однако разочарование особенно не скрывал. Доиграв, Олег протянул гитару обратно. Гамлет был лаконичен и груб.

– Песни у тебя говно, но нам нужен басист.

Олег почувствовал головокружение – не от полученной обиды, а открывшихся перспектив. Эдак можно же поиграть с Гамлетом на басу, а потом написать новые, хорошие песни, которые он похвалит! И вообще – стать музыкантом!

– Я готов. А что нужно делать?

– Ну найди где-нибудь бас, покажу, что с ним делать. Или ладно, не ищи, дам свой старый.

Научиться играть на новом инструменте оказалось не трудно, тем более, что Гамлет не предъявлял особых требований к партиям. За несколько встреч, проведённых у Гамлета дома, Олег освоился с басом, ища местонахождение нот на грифе, как если бы это были крайние четыре струны акустической гитары. Инструментом он пользовался без звукоусиления – бас был старый, потасканный, и электроника требовала ремонта, если это вообще ещё имело смысл. Чтобы хоть как-то расслышать ноты, Гамлет порекомендовал прислонить бас к холодильнику, и это действительно помогло.

На уроках он не сильно обращал внимание, понимает ли что-нибудь его ученик, но любивший учиться Олег легко схватывал смысл.

– Здесь си-минор, значит, играешь си. Нижнюю си, а не верхнюю! Смотри...

– А почему нижнюю?

– А хрен знает, звучит лучше. Дальше у тебя ещё такт си, потом два такта соль. Играй. Ага, правильно. Воткни между ними переходную ля, раз уж тебя она под руку попадается. Всё понял?

– Всё.

– Теперь смотри. Здесь вот у нас четыре четвёртых, добавляешь к тонике, например, терцуху вверх или кварту вниз. Это примерно как аккорды, только из двух нот. Запомнил?

– Да.

– Ну всё, играй.

Они сыграли песню про дракона в электричке ещё раз.

– Для начала нормально, потом всё-таки советую придумать мелодию. Если умеешь сочинять песни, значит, мелодию рано или поздно осилишь. Но только не гоняй на басу соляки, его не для этого придумали. Тюм-тюм, и всё, музыка звучит.

После третьей репетиции Олег зашёл в музыкальный магазин на Кузнецком мосту и купил, потратив почти все свои деньги, самую дешёвую бас-гитару. Это был красивый белый четырёхструнный «Сквайр», уценённый из-за уродливых царапин на корпусе.

– Отличная штука, – сказал Гамлет, – покрутив инструмент в руках, – «Сквайр», если ты не в курсе – это бюджетная китайская копия «Фендера», но «Фендер» – он и в Африке «Фендер». На царапины забей, они даже на боевые раны не тянут. Гриф, вижу, прямой, только настроить надо, пусть мастер поправит, я тебе телефон одного хорошего мужика дам. Струны, пока учишься, можно не менять. А вообще ништяк. Эта подружка прослужит тебе лет пятна-

дцать, если не больше. Только береги её, без чехла по улице не таскай, особенно по морозу. А то девочки этого не любят, сам знаешь – болеют потом...

2. Творчество или смерть?

Поначалу Олег чувствовал себя в космосе. «Меня взяли в музыканты, невероятно!», – восторженно думал он. Если бы его спросили, кто такой Гамлет, с которым он связался, он затруднился бы с ответом. По сути, ничего кроме возраста и имени Олег о нём не знал. Всё, что Олег мог сказать о своём друге – это то, что он, как всякий настоящий поэт, искренне пишет песни и так же искренне живёт.

Впоследствии они сошлись поближе, стали проводить много времени вместе, но понятнее от этого Олегу не стало. Гамлет сочинял переполненные противоречивыми чувствами и причудливыми сюжетами песни, однако стиль поведения у него был совершенно неадекватным. Однажды на каком-то концерте он подошёл к случайным незнакомым людям, достал из-за пазухи топор и ледяным голосом произнёс: «Творчество или смерть?». Гамлета попытались проигнорировать, но он приблизился до дистанции «глаза-в-глаза» и, приложив лезвие топора к своему подбородку, повторил вопрос ещё раз. Перепугав всех, кого только можно было перепугать, Гамлет заключил: «Смерть, только смерть!», и так же спокойно отошёл в сторону.

Под стать своему странному неудобоваримому юмору, Гамлет вёл маргинальный образ жизни, не занимаясь никакой работой, кроме музыкальной – выступлениями на улице или в электричках и преподаванием гитары подросткам. В прошлом он часто переезжал с места на место от одной бывшей женщины к другой будущей бывшей женщине, однако последние три года проявлял несвойственную стабильность, живя в Сокольниках у долговязой рыжей Александры по прозвищу Фокси. Эта молчаливая девушка больше всего в жизни любила йогу и альпинизм, а в остальное время работала менеджером в спортивном магазине. Со стороны казалось, что она совершенно спокойно принимает характер и манеру общения своего мужчины, каким бы грубым оно ни было. Упоминание практически каждого района, если не каждой улицы Москвы Гамлет сопровождал брутальными комментариями: «Ну, здесь я бухал», «Ну, здесь менты забрали как-то», «О, это же та улица, где мы с Фокси зимой трахались в подъезде». Впрочем, помимо эгоцентризма и эпатажа также он проявлял недюжинную эрудицию и богатое поэтическое воображение.

– Кунгур? Помню, Пермская область. Город, где на мебельной фабрике из остатков фанеры делают худшие на свете гитары. Стоим мы там на трассе с Фокси, заметённые снегом, как Прончищев с женой, никто не подбирает. Ну, думаю, всё, ещё немного, и можно на нас крест ставить, корабельным линьком только перевязать для прочности. Но тут, к счастью, останавливается кто-то. Думал, полярная спасательная экспедиция, а оказалось, геологи из Екатеринбурга. Довезли, согрели!

«Что за Прончищевы?», – изумлялся Олег. Найдя нужную статью в Википедии, он был удивлён ещё больше – откуда уличному музыканту знать малоизвестную трагедию из истории Русской Арктики, унесшей жизни супругов-полярников? Но Гамлет знал. И знал не только это.

Очередную встречу музыканты провели не у Гамлета с Фокси, а на репетиционной базе на Летниковской улице, недалеко от Павелецкого вокзала. Впервые после магазина воткнув шнур в усилитель, Олег понял, что тембр инструмента ему нравится.

– А что будет, когда мы отрепетируем все песни?

– Через две недели едем в Питер. Потом в Подмоскovie начнутся фестивали, минимум три. Ну и в Москве есть планы.

– Через две недели – и сразу в Питер! Как думаешь, я успею научиться играть?

– Да ты уже умеешь. Проблема в том, что кроме нас в группе нет вообще никого.

– А как же Рахель? Мамонт?

– Рахель приезжала на месяц из Израиля, уже улетела обратно. Мамонт играть толком не умеет, а ехать никуда не хочет. Один пацан, правда, есть, который может сыграть, Андерс зовут. Ещё с ним Влад приедет, клавишник. Если всё срастётся, справимся.

Вскоре приехали музыканты – люди ещё более старшего поколения, чем Гамлет, но с Олегом они вели себя как с равным. Короткое знакомство, тщательное развешивание тарелок по ударной установке и, наконец, долгожданная проба звука. Включив бас погромче, до уровня барабанов, Олег, наконец, понял, зачем нужен этот инструмент. За оставшиеся два с половиной часа репетиции музыканты сыграли девять песен по несколько раз. Теперь перспектива гастролей не казалась ужасной. Расслабившись, Гамлет пританцовывал у микрофонной стойки. «Я присутствую при историческом событии – рождении новой группы!», – восторженно думал Олег, не зная о том, что Гамлет собирал новую группу примерно раз в год, после каждого интересного предложения о концертах.

Биографии музыкантов, вошедших в состав новоявленного коллектива, были чрезвычайно примечательны.

Владислав Ледовских родился в Алма-Ате и в самом раннем возрасте обнаружил интерес к восточным единоборствам. Как ни странно, именно каратэ и привело его к музыке, когда лет в пятнадцать по настоянию друзей из клуба, он посмотрел сначала фильм «Игла», а чуть позже «Ассу». Именно тогда кумиром Влада стал Виктор Цой, а призванием – музыка. Влад овладел гитарой, а чуть позже, поиграв немного в любительских алматинских рок-группах, переквалифицировался в клавишники, поскольку гитаристов в те времена было слишком много.

15 августа 1990 года Влад находился с друзьями на Капчагайском водохранилище, из-за чего весть о смерти своего кумира узнал двумя днями позже, вернувшись домой. «Не знаю, что тогда произошло. Помню, почувствовал, что сейчас надо быть рядом с Витей», – говорил потом Влад. Взяв с собой гитару и немного тёплых вещей, он вышел из дома и поехал на попутках в сторону Питера. Путешествие оказалось довольно долгим – впрочем, тяготы мало волновали закалённого с детства бойца. Недалеко от Златоуста он остановил грузовик, следующий в Москву, и Влад не удержался от искушения заехать заодно и туда. Водитель объяснил, что для того, чтобы не пропасть в столице, надо сразу идти на Старый Арбат, а там уже всё само собой образуется. Едва ступив на брусчатку старинной улицы, Влад сразу понял, что он дома.

В те дни на Арбате были десятки и сотни подростков, одетых в чёрное и игравших песни Цоя. Казалось, молодёжь всей страны собралась здесь, замерев, подобно Владу в напряжённом ожидании – но ничего так и не произошло. Потом было многое. Знакомство с людьми, ставшими друзьями на всю жизнь, поездка в Петербург, компании в цоевской кочегарке-«Камчатке», ночёвки в коммуналке на Сенной, портвейн на кладбище у могилы Цоя, песни «Кино» в подземном переходе на Невском проспекте (знаменитой «Трубе») – всё это составило самую яркую часть тогдашней Владовской биографии. Задержавшись в Петербурге до холодов, он собрался было ехать обратно, но почувствовал, что при такой погоде не осилит дорогу до Казахстана и остался зимовать, с переменным успехом играя в переходах. Именно в ту зиму он сделал свою любимую причёску, с которой не расставался всю жизнь – выбрил волосы, оставив сзади одну длинную прядь, сплетённую в тонкую косичку. К весне 1991 года выяснилось, что домой можно не торопиться: семья Ледовских начала готовиться к переезду в Москву. Несколько последующих лет Влад же играл то в одном коллективе, то в другом, а иногда в нескольких одновременно, чаще всего вместе с другом-барабанщиком.

«Андрис. Правда, моего имени никто не может запомнить, и потому друзья зовут Андерсом», – так обычно представлялся новым знакомым этот светловолосый крепыш-прибалт. Имя досталось уроженцу Риги Андрису Андрианову от отца, также Андриса, которого маленький Андерс видел единственный раз в возрасте двух лет. Примерно тогда же мама Андерса поступила в московский вуз и переехала с маленьким сыном в столицу СССР. Вся сознательная жизнь Андерса прошла в тихом московском районе Ростокино. Будучи по натуре интровер-

том и флегматиком, Андерс не особенно стремился сходить с людьми, и монотонная работа в маленькой типографии «Performer» пришлась ему по душе. Там-то осенью 1997 года и выяснилось, что его коллега, графический дизайнер Влад Ледовских – музыкант.

К тому времени Влад выступал с рок-группой «Las Banderas», игравшей латиноамериканскую музыку с юмористическими русскими текстами в одном и том же баре под названием «Мохито». Музыкальная жизнь настолько заинтересовала Андерса, что тот стал ходить на все концерты, потихоньку освоил ударные, отпустил бороду и длинные волосы, облачился в чёрную кожаную куртку и тёмные очки. Всё это создало колоритный образ, и через год, когда «Las Banderas» покинул барабанщик, Андерс органично занял его место. После этого группа просуществовала ещё пару лет, пока бар «Мохито» не закрылся.

В середине нулевых Влад и Андерс познакомились на Арбате с Гамлетом, которому тогда было всего пятнадцать лет. Музыканты бродили по городу, играли музыку, пили пиво, а чаще всего – делали всё это одновременно. Таким образом, было положено начало совместной рок-группе, получившей название «Кипарисы и пальмы». Группа просуществовала всего одно лето, после чего неугомонный Гамлет снова стал петь в одиночку, а Влад и Андерс понемногу отошли от дел, сосредоточившись на работе.

После окончания репетиции музыканты взяли по бутылочке пива и зашли в какой-то двор, чтобы обменяться впечатлениями.

– Круто вернуться обратно спустя столько лет, – сказал Влад, – небось, пока мы с Андрисом сутками клепали рекламную продукцию, вы все стали виртуозами планеты, и в электричках берёте только долларами.

– Ха, где ты встречал валютных уличных музыкантов? Валютными только проститутки и политики бывают, – засмеялся Андерс.

Гамлет немного смутился.

– Да ладно, играем помаленьку. Видишь, пачка новых песен есть – авось, кому-то и понравятся. Кстати, Андерс, ты же не воспримешь джембе как унижение?

– Куда деваться, на батарее в электричке не помолотишь.

– Давай тогда завтра прогоним материал с перкуссией, а потом дадим жару у Майка, у него в воскресенье будет днюха, ну и само собой, квартирник.

«Квартирный концерт, потрясающе!», – молча возликовал Олег, читавший о такой форме музыкального действия в книжках о Цое и Гребенщикове.

3. Музыкантская кухня

Черноволосый бородатый толстяк-байкер Миша Брянчихин по прозвищу Майк жил в двухкомнатной квартире на Рязанском проспекте. Его родители перебрались сюда ещё в восьмидесятых годах, и к концу нулевых оказалось, что Миша здесь один из старожилов. «А соседи не жалуются на тусовки?», – иногда интересовались друзья. «Таджики-то, которые здесь по двадцать человек однушку снимают? Да они ментов боятся, как огня!», – басовито хохотал Майк.

Подготовка к концерту началась недели за две. Именно тогда состоялся исторический телефонный разговор Майка и Гамлета, определивший судьбу новоявленного музыкального коллектива.

– Привет, чувак, я тут пресс-релиз фигачу, про всех написал, а про тебя нет. Как у тебя хоть группа называется?

– Майк, да какая разница? У нас пока была всего пара репетиций, играем как какой-то грёбаный трам-тарарам оркестр!

– «Трам-тарарам оркестр»? – засмеялся Майк, – Чувак, да ты попал!

После подготовки пресс-релиза хозяин и участвующие в квартирнике музыканты разошлись по социальным сетям несколько тысяч приглашений и афиш, стараясь охватить как можно больше народу. Понимая, что в одиночку организовать большой квартирник будет непросто, Майк объявил о наборе волонтеров, и Олег, конечно, воспользовался возможностью присоединиться к общей движухе.

– Где же поместится столько зрителей? – недоумевал он.

– Ты смеёшься? На каждые сто приглашений приходит в лучшем случае один человек, – ответил Гамлет, – все же занятые очень, да и вообще в Москве куча всего интересного, кроме нас.

Встреча организаторов и участников была назначена на три часа дня – к этому времени Майк как раз проснулся после ночи, проведённой в Интернете с бутылкой «Джека Дэниэлса». Хозяин допивал кофе и уже собирался приступить к пиву, а с разных квартир уже были привезены составляющие концертной аппаратуры: кто-то притащил два миникомбика, кто-то – микшерный пульт, кто-то – старые советские колонки. Группа со странным названием «Смерть Огурцова» привезла гитары, огромный синтезатор и ударную установку, увидев которую Майк скривился и попросил не хулиганить. Подключение и настройка аппаратуры происходили в атмосфере полного бардака, создаваемого как музыкантами, каждый из которых считал себя компетентным специалистом, так и Майком, разбирающимся в аппаратуре, как лошадь в психоанализе, но считающим необходимым вмешаться. Впрочем, за пару часов всё пришло в норму, и квартирник можно было начинать.

Как почти всегда на концертах, люди стекались медленно, и выступление группы «Наполночь», игравшей какую-то очень серьёзную, хотя и несколько монотонную музыку с горловым пением и фольклорными дудками, началось лишь через час после официального открытия квартирника. Гамлет и Фокси вошли в комнату буквально за пару минут до первой песни. К концу выступления «Наполночи» до квартирника добрались Влад, Андерс и незнакомая Олегу светловолосая девушка в ярком цветастом платье. Девушка опиралась на палку и заметно прихрамывала.

– Сегодня я познакомлю тебя с нашей святой Лесей, – сказал Гамлет, – это удивительное существо принимает у себя дома всех, кому нужна помощь – кормит голодных детей и кошек, даёт переночевать автостопщикам, утирает слёзы девочкам, которых бросили мальчишки, и всё в таком духе. А зарабатывает на жизнь репетиторством, готовя идиотов к ЕГЭ по русскому и литературе.

– Ты слишком меня нахваливаешь, – смутилась Леся, – и вообще неизвестно, кто кому больше помогает. Мне не так-то легко ходить всюду, куда я хочу.

– Тем не менее, факты неопровержимы. Леся – это феномен!

– Ой, да ну тебя, Лёшка...

После выступления «Наполночи» устроили небольшой перекур, после которого должен был играть музыкант Павел Хайруллин. Пока Павел неторопливо настраивал гитару, Майк успел похвалить его творчество, наверное, каждому гостю. Наконец, он наткнулся на Лесю, которая оказалась благодарным слушателем, и стал обсуждать с ней эту животрепещущую тему до самого конца перерыва.

Вообще Хайруллин не нуждался в рекламе – это и так был один из самых известных музыкантов в среде андеграунда, с большим кругом ценителей, победитель музыкальных конкурсов и участник множества фестивалей. Как ни цинично звучит, пригласить на квартирник его решили как раз для того, чтобы придать мероприятию вес и собрать дополнительных слушателей. Скорее всего, Павел и сам это понимал, но для него было важно спеть для людей, что он с удовольствием и сделал.

Следующая группа, «Смерть Огурцова», полностью оправдывала своё название. Несмотря на искусность игры участников и обаяние их лидера Дмитрия Хворышева, «огурцы» стремились выступить на каждом мало-мальски значимом сборном концерте и за пару лет успели всех достать своими саркастическими текстами. Группа состояла из пяти человек, причём один из музыкантов по прозвищу Кощей искусно менял в руках губную гармошку, окарину и казу. Высокоинтеллектуальные темы Хворышева и «Смерти Огурцова» редко выходили за границы пьянки на кухне и бреда сумасшедшего в психбольнице, однако все это было подано в весьма жизнерадостном духе на стыке блюза, рэгги и рок-н-ролла и потому имело успех.

Затем настала очередь «Трам-тарарам оркестра».

– Сейчас мы вам расскажем страшную историю... – начал Гамлет.

– На ночь? – крикнул кто-то из зала.

– Тебе, Дэн, могу хоть до утра, только у тебя Ленка заскучает.

Все засмеялись.

– В общем, жил однажды в Москве один рок-музыкант. Ходил он по городу, пел песни, и никто их не слушал. Задумался музыкант: а почему так? А потому, сказали ему, что тебя по телеку не показывают и на радио не крутят! Только, говорят, для этого большие деньги нужны. А где взять большие деньги бедному музыканту? Решил он прийти к врачам и продать свою печень – всю, какая ещё от портвейна осталась. Вот об этом сейчас и будет песня!

Так, сопровождая каждую из девяти песен байками и историями, Гамлет и «Трам-тарарам оркестр» отыграли положенные полчаса. Заняв в страшной тесноте место у стены, Олег впервые в жизни смотрел в зрительный зал, и это было прекрасное зрелище. «Вот теперь-то я точно музыкант!», – думал он.

После выступления был объявлен перекур. Хотя среди участников «Трам-тарарам оркестра» никто не курил, музыканты тоже высыпали на лестничную клетку, чтобы обменяться впечатлениями. Андерс пустил по кругу пакет дешёвого вина.

– Ну что, коты, нормально для начала, – сказал Гамлет, – Влад, только ты в конце «Дракона» какую-то ерунду сморозил.

– Да, что-то ушёл вверх и тоналку потерял, фигня, бывает.

– С джембе кисленько, бочку хочу, – пожаловался Андерс.

– С бочкой тут таджики из всех щелей посыплутся. Олег, тебе как это всё?

– Да я в восторге. В первый раз же.

– Ну ты вообще молодцом, не слажал ни разу. Продолжай в том же духе! Ну что, пошли?

– Пошли, там Кутулин уже завывает свои готические кошмары.

Первые две-три песни группы «Анубис» прошли мимо сознания Олега, всё ещё находящегося под действием выброса адреналина. Поняв, что песни о вампирах это не то, что ему сейчас хочется услышать, он вышел на кухню, где застал Лесю, Андерса и двух незнакомых девиц, разливавших чай.

– О, это же басист Гамлета. Меня Джемма зовут, а её Ленхен. Будешь чай?

– Буду.

Оказалось, что на кухне намного интереснее, и слышно ничуть не хуже, чем в комнате. Постепенно Олег освоился и разговорился с окружающими. Через пару часов ему уже казалось, что раньше он никогда не встречал столько интересных людей одновременно, а его школа с экологическим уклоном казалась теперь чем-то призрачным и имеющим мало отношения к реальной жизни.

После «Анубиса» на сцену вышла группа «Маузер Маяковского», все как один в жёлтых кофтах, затем исполняющий кельтскую музыку «Норфолк». Последним выступил дуэт «Дикие гуси», состоявший из странного человека с аккордеоном и аккомпанировавшего ему наголо выбритого гитариста. К этому времени примерно половина из восьмидесяти зрителей разошлась то ли за выпивкой, то ли по домам, оставив Майку наедине с парой дюжин приверженцев и десятком пьяных трупов. Закончился квартирник примерно так же организованно, как и начался – то есть, в полном хаосе. Аппаратуру заперли в маленькую комнату, пьяные трупы положили вповалку на пол в кухне, кучи мусора и грязной посуды оставили до следующего дня.

Гамлет с Фокси уехали сразу после выступления «Норфолка»; Леся, Олег и все прочие протянули до закрытия метро. Изрядно набравшийся Майк рассыпался в благодарностях и комплиментах всё время, пока ребята обувались-одевались, и остановить его не было ни малейшей возможности. Сборы стали опасно затягиваться: размер прихожей не позволял обуваться многим людям одновременно, да и найти свою обувь было непросто. Наконец, все вышли наружу и поспешили к лифту, несколько особо торопливых гостей побежали вниз по лестнице. Майк пробормотал: «До свиданья», – и слегка недовольный тем, что всё закончилось, скрылся за дверью.

Как обычно, когда едешь большой компанией в метро, все выходят на разных станциях. Оказалось, что Олег и Леся живут недалеко друг от друга – Олег на «Соколе», а Леся на «Войковской».

– Давай я тебя провожу?

– Не надо, я хорошо хожу. Здорово сыграл, молодец! Увидимся когда-нибудь, – сказала она, когда Олег собрался к выходу.

– Обязательно увидимся. Ужасно интересно, как ты живёшь, Гамлет умеет заинтриговать.

– Приезжай, я почти всегда дома.

«Обидно, наверное, она решила, что я испытываю к ней чувство жалости», – подумал Олег, – «Но ведь это совсем не так. Надо будет показать, что она ошиблась. Женщину не должно унижать, что мужчина привык поступать по-джентльменски».

4. Дорожная карта

Гамлет, Олег, Влад, Андерс, Ленхен и Джемма сидели на кухне у Леси.

– Вся банда в сборе. Короче, коты, я не догнал, как это получилось, но в Питер у нас собирается целая толпа. Как вы понимаете, ехать плацкартом попово и скучно, а автостопом в данном случае слегка шизово. Предлагаю показать нашему басисту правду-матку, как она есть, и поехать на собаках. Заодно порепетируем!

Влада эта идея не впечатлила.

– Блин, Лёх, ну на электричках совсем в лом как-то. Давай часть народу поездом, часть стопом. У кого есть бабло на поезд и мало времени на дорогу? Олега не спрашиваю, пусть действительно попробует трассу на вкус.

Оказалось, что деньги на дорогу есть у всех, кроме Гамлета и Джеммы.

– Я тоже хочу поехать, – сказала Леся, – думаете, я не справлюсь? Я уже бывала автостопом в Питере.

– Ладно, сдаюсь, – решил Гамлет, – Фокси в этот раз не едет, так что могу взять в пару Джемму. Ну а Олег с Лесей уж точно не пропадёт. Встретимся на вписке у Василисы. Это недалеко от Удельной, за рынком, адрес сейчас найду.

На трассу Олег и Леся вышли недалеко от платформы Подрезково. Было около девяти утра – благо, обоим добираться было недалеко. Разволновавшись, Олег не спал полночи, но старался делать вид, что всё в порядке: «Ещё подумает, что я испугался!». Леся выглядела уверенно, одета была неброско, по-походному.

Начали с короткого мастер-класса.

– Поднимаем руку вот так. Когда водитель останавливается, подбегай, спрашивай, не подвезёт ли он в сторону Питера. Если спрашивают деньги, говори, что денег нет, и сразу же прощайся.

Долго ждать не пришлось – оказалось, что бас-гитара в руках прекрасно привлекает внимание. Первый водитель хотел денег и уехал, второй взял до поворота на Завидово. Это было не только достаточно далеко, на границе Московской и Тверской областей, но и удобно: остановка в городе, стоящем на трассе, самым крупным из которых был Клин, автоматически обрекала автостопщиков на долгий пеший путь до границы населённого пункта. Водителя интересовало абсолютно всё, и Олег, по совету Леси, был словоохотлив, подробно рассказав о группе и о концерте.

Интересовался водитель и Лесиными большими ногами.

– Да ничего страшного, у меня почти прошло, – попыталась отмахнуться Леся от неприятной темы.

– А вы в храм ходите, тогда точно пройдёт. Знаете, у нас в деревне такой случай был...

Оставшиеся сорок километров водитель разговаривал исключительно о чудотворных иконах и болезнях, которые ими излечиваются. В основном, его односельчане болели алкоголизмом или получали страшные травмы – как правило, тоже в нетрезвом состоянии – поэтому без икон было просто не обойтись.

– Задолбал он тебя? – спросил Олег, когда они вышли из машины.

– Я привыкла. Все только и делают, что лезут с советами, с самого детства. Но этот дядя ещё ничего. Иногда мне желают добра намного агрессивнее...

Возле Завидово машин было намного меньше, чем на окраинах Москвы.

– Полчаса зависаю на трассе – нормально. Даже час – не страшно, – сказала Леся, но вторая машина – грузовая «Шкода», следующая в Тверь – остановилась уже через десять минут. Олега опять выручила бас-гитара. «Автостопом! В Питер! Ай, молодцы!», – добродушно приговаривал водитель по ходу рассказа о цели поездки.

В город заезжать смысла не было, и Леся попросила остановиться на объездной дороге. Здесь движение к цели значительно замедлилось: третья машина остановилась через сорок минут и провезла километров десять, четвёртая, следовавшая почти до конца объездной – ещё через час. Автостопщики достали скромные припасы, состоящие из бутербродов и чая в термосе. Ехать оставалось ещё очень далеко.

Следующий автомобиль, чёрный «Ауди», остановился тотчас, как только Леся подняла руку, и проехал по инерции довольно далеко. «Новгород!», – закричал издали радостный Олег. Это означало марш-бросок сразу на 350 километров – то есть, почти на полдороги.

Водитель «Ауди» в молодости служил в горячих точках и не столько слушал, сколько рассказывал сам. Сейчас он работал по контракту и возвращался из отпуска. Душа его требовала приключений, и автостопщики ему страшно понравились.

– Да, вот бы с вами сейчас рвануть в Питер на концерт! Жаль, что отпуск закончился...

Километров через пятьдесят Олег почувствовал, что устал с дороги, и начал подрёмывать. Леся уткнулась ему в плечо, и Олег, поняв, что она спит, осторожно обнял её за плечи. Проснулись они от того, что машина остановилась на обочине.

– Это Вышний Волочёк. Тут хорошая кафешка есть, я всегда возле неё останавливаюсь. Давайте, бродяги, раз уж вместе едем, накормлю вас!

Поев, поехали дальше. Водитель включил русский шансон, но это не раздражало, а казалось необходимой частью процесса.

– Новгородская объездная намного длиннее тверской, – сказала Леся, – Главное, её проехать, пока не станет темно, а то ночью стопить сложнее. Но мы быстро ехали всю дорогу, так что должны нормально проскочить.

Им снова повезло: у новгородского поста ГАИ остановился дальнбойщик, собиравшийся встать на ночлег в Подберезье – как раз в самом конце новгородской объездной. Там, около автостоянки под мелким дождём, им пришлось промяться больше часа. Олег уже не верил, что они доберутся в этот день до Питера, как вдруг остановилась «Хонда» с молодым парнем за рулём. Водитель ехал не просто в Петербург, а ещё и на Чёрную речку, откуда до Удельной было рукой подать.

– Да всё нормально, ребята, – спокойно сказал он, – вы ещё на метро успеете. Я тоже не хочу ночью домой возвращаться, завтра на работу.

Через пару часов за окном начались окраины Петербурга. Сквозь стекающие по стеклу струи воды проносились освещённые фонарями дома, трамвайные пути и всё более сужающиеся к центру города проспекты. Внезапно из темноты вынырнула Нева, которую Олег опознал по блеску волн и узнаваемому фасаду Эрмитажа. Впереди, за рекой маячил огромный купол в восточном стиле – Олег знал, что эта мечеть была построена во времена Союза специально для какой-то делегации из Азии.

Олег с Лесей приехали первыми: Гамлет с Джеммой, как оказалось, стартовали слишком поздно и застряли на трассе, а остальная часть компании должна была высадиться в город на Московском вокзале следующим утром. Хозяйка квартиры Василиса, оказавшаяся одновременно организатором завтрашнего концерта, отвела музыкантам целую комнату, в которой им предлагалось спать на диване и на полу в спальных мешках.

– Завтра здесь будет плотность населения, как в Бангладеш, – пошутил Олег, забыв, что почти вся компания едет только на концерт и не собирается оставаться на ночь.

– Поэтому сегодня оккупируем диван, – ответила Леся и, без всякого стеснения раздевшись до трусов и футболки, закуталась в одеяло. Олег последовал её примеру.

Проснулись в девять утра от СМС. «Репетиция на Каменноостровском проспекте, встреча в два на Петроградской», – сообщал так и не доехавший до Василисы Гамлет.

– Какого чёрта так рано? – возмутилась Леся, – я хотела погулять.

Они успели съездить только в Петропавловскую крепость – пройти по внутреннему двору, поглазеть на необычный памятник Петру работы Шемякина, прогуляться по пляжу. Лесин темп ходьбы располагал к созерцанию, и Олег радовался красоте в деталях – историческим зданиям, едва видимых сквозь туман, вездесущим чайкам, усеянному всплесками дождевых капель водному пространству, по сравнению с которым Москва-река казалась прудиком в парке (да, по сути, она и была такой). Удивительно, что, несмотря на холод, на берегу переодевалась местная пожилая купальщица.

Они медленно шли по дорожкам, и в пределы внимания попадало слишком многое – во всяком случае, больше, чем хотелось. На другом краю площади женщина кричала на своего ребёнка так громко, что было слышно каждое слово.

Купив по шаверме, ребята встали под навес рядом с безнадёжно мокрой лавочкой. Олег был впечатлён сценой и не мог сдержать эмоций.

– Ты слышала, что она кричала? «Я тебя привела в культурное место, а ты меня позоришь». Мне кажется, эта фраза рассказывает о нашем русском воспитании абсолютно всё. То есть, мать идёт в культурное место (ей самой всё равно, в какое, главное в культурное), чтобы произвести впечатление, ну или хотя бы показать, что она не хуже других матерей. Ну а ребёнок, который должен испытывать молчаливую благодарность за то, что его куда-то там ведут и кому-то демонстрируют, почему-то совершает что-то незапланированное, чем жестоко рушит имидж своей мамы и делает её несчастной. Это вообще как? Знаешь, я часто думаю, что, если у меня будут дети, я припомню каждый такой пример. И уж мой-то ребёнок никогда не услышит, что он меня опозорил в культурном месте.

– Слышал, у Егора Летова было «я ищу таких, как я, сумасшедших и смешных, сумасшедших и больших»?

– Слышал.

– Так вот, мне кажется, что мы все – я, ты, Гамлет, все остальные – мы не просто друга нашли, мы после этого обнаружили, что поддерживаем определённое адекватное состояние. А мир вокруг – не поддерживает. И чем дальше, тем с ним больше не так.

– Да ну! Гамлет, бегающий с топором – и адекватный?

– Все же понимали, что это была провокация, рассчитанная на то, чтобы выявить неадекватов, ну и понтануться немного. Это ж Гамлет, звезда сцены! Но если серьёзно, то почему-то мы все придерживаемся примерно одних и тех же ценностей. И с нашей колокольни очень хорошо видно, что обычные нормальные люди в своём большинстве – это лживые, циничные твари, ради своего блага ведущие весь этот мир в ад.

– И как жить?

– Да как обычно, просто быть самим собой и не продавать душу лукавому. Поехали на репетицию, пора уже.

5. Отравление вдохновением

На встречу Олег с Лесей приехали первыми. Гамлет, ненавидящий опаздывать, задержался на пятнадцать минут и сильно нервничал. Вскоре появились девушки – Джемма, Ленхен и всё-таки добравшаяся до Питера Фокси. Влада и Андерса, промокших под дождём до нитки, пришлось ждать довольно долго, но за это время куда-то исчезла Джемма.

– У, бабы, блин, – разозлился Гамлет, – куда она свалила?

– Курить пошла, – ответила Ленхен, – ничего, захватим на выходе.

Джемма и впрямь ждала их у турникетов, но Гамлет почему-то раздражался всё сильнее и сильнее.

– Гуляйте, где хотите, на репетиции нам толпа не нужна.

– Да не переживай, мы собрались в Музей русского авангарда, тут недалеко.

– И без меня, заразы. Рыжая, я тебе этого не прощу.

– Что я-то сразу? – спокойно ответила Фокси, – ты себе расписание на день уже составил.

Иди, играй свою музыку. У тебя свои планы, у меня свои.

Гамлет глухо выматерился и, накинув на голову чёрный капюшон плаща, резко прибавил шаг.

– Мы всё равно тебя любим! – закричала Ленхен и послала ему вслед ехидный воздушный поцелуй.

– Сейчас новую песню выдаст, – сказала Фокси, – он всегда как взбесится, новую песню сочиняет. Или наоборот, чтоб написать, бесится, я не знаю.

На репетиционной базе Гамлет первым делом достал блокнот. Пятнадцать минут, пока все настраивались, он писал.

– Поехали по свежаку, си-минор, – кратко сказал он и стал играть новую вещь.

Песню разбирали примерно полчаса, потом ещё полтора часа прогоняли материал, в конце репетиции вернулись к новой песне.

– Нормально, – сказал Гамлет, – сегодня и сыграем.

– Может, погонять ещё? – спросил Андерс.

– Это мы всегда успеем. Если ты сегодня не слажаешь, никто не слажает. И людям в зале будет пофигу, что мы играем эту вещь в первый раз. Я в Питере с того лета не выступал, откуда им знать, что у нас новое, что нет, и насколько.

– Слушай, Гамлет, ну какую-то планку качества держать-то надо, – не согласился Влад.

– А что, у кого-то с этим проблемы? Не слажали – и хорошо. А красоту на репетициях наведём позже, в Москве.

До саундчека в клубе оставалось три часа. Никаких планов, кроме обеда, не было. Зайдя в какую-то закусочную, Гамлет быстро купил себе хот-дог и с угрюмым видом сел у залитого дождевыми струями окна. Влад и Андерс застряли у прилавка в изучении меню. Олег сел рядом с Гамлетом.

– Не парься, басист. У всех всё по-разному. Не знаю, может, это у меня такая разновидность хронической депрессии.

– Не хочешь сходить к психологу?

– Ты, наверное, не поймёшь, чувак, но я считаю, что у меня есть право на психическую болезнь. Я его выстрадал, я к нему пришёл. В детстве, знаешь, все о любви пишут, о страданиях там всяких. Но это тупик, потому что у тебя есть только одна причина писать и одна тема, так что, если ты не совсем полный лох, то рано или поздно находишь себе бабу, и прощай, творчество. В общем, когда я повзрослел, чувства закончились, осталось бешенство. И это по-честному. Потому что настоящая потребность писать, она растёт не в трусах, а где-то совсем глубоко, в сердце и уме, когда ты чувствуешь какой-то внутренний дискомфорт, напряг, и сам

не можешь его объяснить. Тебя рвут на куски ярость, обида, чувство вины, дичайшая ревность, стыд и, я бы сказал, восхищение, что ли, какое-то перед космосом над головой и внутри, и то, что всё это от тебя вообще никак не зависит... Причём всё это может приходиться по очереди или одновременно, без всяких причин. И вот ты идёшь по улице, разговаривая сам с собой, или ни с того, ни с сего думаешь о суициде. А потом покупаешь шаурму или садишься в маршрутку. Вокруг какой-то ещё мир дурацкий жить продолжает, а у тебя в голове падают во все стороны осколки, как после обстрела.

– А что будет, когда закончится бешенство?

– Заткнусь и перестану всем мешать. Ну и песен больше не будет. Жутко об этом думать, но это может наступить в любой момент. Ты тоже удивился, когда я предложил сегодня же спеть новую песню? А я не могу иначе, я тороплюсь. Вдруг не успею, и всё пройдёт. Представляешь, открою глаза, а поезд стоит в депо, и я не могу вспомнить название станции, на которой мне надо было выходить.

Концерт на настоящей клубной сцене оказался богатым источником впечатлений.

– Ну чего ты стоишь, втыкай шнур! – закричал звукооператор Олегу, пытавшемуся понять устройство незнакомой модели комбика.

Удивительно, но звук на сцене клуба оказался намного хуже, чем на квартирнике. Гитару не было слышно вообще, из монитора рядом доносились, в основном, Владовы клавиши и далёкий отзвук вокала. Всё остальное пространство заполняли ударные.

– А ты что думал, здесь студийное качество будет? – удивился Гамлет, – звук вон, для зала выстраивают, и основные колонки смотрят туда, а не на нас. Главное, ударные слушай – тогда не слажаешь.

Вместе с «Трам-тарарам оркестром» играла питерская группа «Шаг в сторону». У Гамлета и лидера питерцев Саши Нуждина уже несколько лет была договорённость по очереди ездить друг к другу с концертами. Вся выручка, за вычетом доли клуба, вручалась приехавшим музыкантам, чтобы отбить затраты на билеты. Впрочем, для хозяев такие выступления тоже имели смысл, ведь приезд друзей из другого города был хорошим информационным поводом, позволяющим собрать больше народу.

Часовая программа была отыграна весьма бодро. Сложнее всех пришлось отчего-то Андерсу – он то ронял палочки, то дольше обычного настраивал метроном, чтобы играть песню точно в том темпе, который был на репетициях. Гамлет терпеливо ждал, развлекая зал своими фирменными рассказами, которые он сочинял на ходу и тут же забывал навсегда. Олег старался не отходить далеко от басового комбика – оказалось, что его трёхметровый шнур коротковат для этой сцены.

– Гамлет, а ты чего слова вдруг решил поменять в «Электричке»? – спросил Влад, когда выступление закончилось.

– Да как обычно. Забыл второй куплет и придумал что-то на ходу. Это плохо, значит, песня уходит. Надо будет записать её на студии, когда вернёмся. Вот только мы что-то бледновато звучим пока. Не хватает изюминки какой-то – может, духовых...

– Сид? – напомнил ему Андерс о старом знакомом.

Василий Сидельников по прозвищу Сид был известен по рок-группе «Бенджамин Франклин», где играл на флейте, кларнете, мелодике, а после ухода из группы барабанщика – на ударных. Вообще Сид мог заменить своей персоной примерно с десятков музыкантов и потому обычно выступал одновременно в нескольких коллективах. Кроме того, периодически он собирал и распускал собственную группу, для которой сочинял изысканные инструментальные композиции для гитары, баса и фортепиано. Состав этот, носящий малоудобоваримое название «Кальциево-натриевый источник святой воды номер 47», ни разу нигде не выступил, но зато записал за три года своего существования четыре альбома, высоко оценённые немногочисленными, но верными поклонниками.

– И верно, Сид, – согласился Гамлет, – значит, когда вернёмся домой, съезжу к нему с Олегом, пусть посмотрит на самый хипповский флэт Москвы.

«Шаг в сторону» исполняли что-то достаточно тяжёлое и депрессивное, и Олегу было не очень интересно слушать их творчество. Купив себе пива, он сел за стол, забронированный московскими музыкантами и их группой поддержки, за которым сидела одна лишь Леся – все остальные ребята разбрелись по залу.

– Что-то устала я. Ходили много, – улыбнулась она.

– Автостоп выдержишь?

– Выдержу. Но вообще Гамлет тебе из выручки за билеты должен.

– Потом спрошу у него.

Через час Гамлет затронул финансовую тему сам.

– Ребят, мне выдали бабло, но что-то, по-моему, там от силы на пиво хватит.

– Лёх, но ведь народу полный зал, – удивился Андерс.

– Что ж, видимо, это родственники и друзья Кролика, – грустно заметил Влад, – но у нас с ними есть кое-что общее.

– Что? – не понял Гамлет.

– Билеты не положены ни им, ни, как следствие, нам. Смайл.

Пересчитав деньги, музыканты убедились, что выручки хватает на два билета в Москву и ещё немного.

– Если всем всё равно не хватит, пусть бесплатно поедут те, кому нужнее всех, – предложил Гамлет, – Леся, мне кажется, автостопа тебе хватило. Олег, ты же проводишь леди до дома?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.